

Старик закончил наложение швов за минуту, Томас вздохнул, вытирая пот со лба тем, что осталось от его рубашки.

"Девушка должна быть в порядке после этого, я дал ей несколько успокоительных, так что она не почувствует боли, когда очнется через несколько часов". сказал старик, похлопывая Томаса по плечу.

Томас почувствовал облегчение и улыбнулся, он не чувствовал боли, только усталость. Он знал, что стоит ему закрыть глаза и поддаться усталости, как с ним будет покончено.

После этого испытания он поблагодарил старика: "Спасибо, старик. Позаботься о ней для меня, я заплачу за это в следующей жизни, если она у меня будет." *хихиканье*

Старуха сразу поняла, что происходит, и отдернула покрывало с его тела, только чтобы вздохнуть от ужаса.

Тело Томаса было изрешечено пулевыми ранениями и истекало кровью без остановки. Даже у старика не было идей, как справиться с подобным.

Его опыт, накопленный десятилетиями, кричал ему о невозможном, от увиденного зрелища его глаза помутнели, а на глаза навернулись слезы, когда он посмотрел на него.

Старуха была не лучше, она уже рыдала, упав на землю. Томас знал, что для него это конец, но все же остался невозмутим.

"Старик, принеси мне ручку и бумагу".

Томас взял ручку и начал писать, используя все, что в нем оставалось, он держался на ногах, усилием воли заставляя свое тело двигаться и оставаться в сознании.

Письмо, которое он написал, было измазано в крови, капавшей с его запястья. Наконец он сел, держа Силику за руку, молясь о ее благополучии, и через несколько минут понял, что для него все кончено.

Он приблизил свои губы к лицу Силики и прошептал ей на ухо.

"Прости, что оставил тебя одну, прости, что оставил тебя позади, я знаю, что это будет трудно, но постарайся прожить счастливую жизнь ради меня. Я люблю тебя". Томас прошептал на ухо Силике и, положив спину на ножку стола, улыбнулся старой паре.

"Прощай, старик. Бабушка, позаботься о ней для меня, я буду скучать по твоим пирогам, и спасибо за все". Томас закрыл глаза, и его сознание отключилось. Пожилая пара обняла друг друга и пролила слезы в память о маленьком мальчике, которого они знали все эти годы.

ПОВ Томаса:

После, казалось бы, приятного сна, я проснулся.

Да, я проснулся, и я ни в коем случае не шучу, что я был скорее заинтригован, чем озадачен, когда увидел себя в зеркале.

Я выглядел как клубок белого тумана, плывущий по воздуху. Пожилая пара утешала себя в объятиях друг друга, и тут раздался звук сирен.

Я попытался подойти к Силике, но, как я и думал, я просто прошел сквозь нее, и от этого она вздрогнула во сне.

Полицейские вошли в дом и делали записи, допрашивая пожилую пару, а медики были очень приятно удивлены тем, что Силика практически не нуждается в дальнейшем лечении, может быть, несколько анализов и день наблюдения в больнице, и она будет в полном порядке после снятия швов.

Но у судмедэкспертов, проверявших то, что раньше было мной, не было слов, выражения их лиц менялись, как перелистываемые страницы в книге.

Старший инспектор взял отчет и посмотрел на него и на судебно-медицинского эксперта. Он едва сдержал желание стукнуть судмедэксперта по голове.

Я приятно посмеивался, глядя на происходящее.

Если вы спросите меня, как я так мило принимал свою смерть и даже был настроен хихикать, я отвечу, что знал, что так или иначе это случилось бы на поле боя.

Нельзя стать самым молодым майором в спецназе просто так, для этого нужно иметь несколько винтиков в голове.

Что касается страданий, то это было только в первые несколько минут, я был слишком под адреналином, чтобы чувствовать боль или что-то подобное.

Я жалею только о том, что покинул Силику, не обняв ее в последний раз и не сказав ей, как сильно я ее люблю, глядя в ее нежные карие глаза.

Со многими беспорядочными мыслями о своем неопределенном будущем я последовал за Силикой в госпиталь и был удивлен, если не сказать горд, увидев, как уважительно они обращались с тем, что раньше было мной (моим телом).

Наверное, это преимущества молодого солдата.

Силика пришла в сознание и обнаружила себя в больничной палате, рядом с ней сидела пожилая пара, а доктор просматривал ее отчеты.

Ну, она всегда была умной женщиной, не больше, чем я (я был монстром в плане IQ), она поняла мое отсутствие, и взгляды, которые пара бросила на нее, сделали это еще более уверенным.

"Бабушка, где Том?" спросила она, отчаянно цепляясь за простыни, словно готовясь к худшему, что должно было произойти.

Старик достал из нагрудного кармана листок бумаги с несколькими красными пятнами.

Она взяла бумагу дрожащими руками, и слезы потекли по ее глазам, когда она увидела знакомый почерк.

Но на ее дрожащих губах появился намек на улыбку, когда она увидела письмо, которое я написал для нее безукоризненным почерком, используя все, что у меня осталось.

Дорогая Силли,

Если ты найдешь это письмо, знай, что я перешел за пределы этого мира, чтобы встретиться с феями на небесах, так что не ревнуй и не смей приходить сюда раньше чем через шестьдесят лет, чтобы дать мне и прекрасным феям немного заслуженного уединения.

А поскольку я наконец-то нашел фей, думаю, тебе стоит принять ухаживания Теодора. Он любит тебя до самой луны и обратно, но гораздо, гораздо и гораздо меньше, чем я.

Так что, выходи замуж и рожай кучу детей. Я оставил все, что у меня было, тебе и племянникам и племянницам, которые появятся у меня в будущем.

Не забудьте рассказать им о чрезвычайной крутости их дяди. О, и отдай мой Хаммер Сэмми, и скажи ему, что я переломал ему ноги, если он нанесет хоть маленькую царапину моей маленькой любимице.

И, наконец, оставь свою чертову работу.

Я сделал тебя самым молодым мультимиллионером в Британии. Ты можешь ходить по магазинам сколько угодно, но ты не сможешь закончить то, что я для тебя приготовил. Так что расслабься и отдохни; будь хорошей женой и матерью.

PS: Закопайте этот фолиант в моей могиле и передайте мое пианино детям, и если они решат стать солдатами, просто позвольте им, и никогда, повторяю, НИКОГДА не раскрывайте мое темное наследие".

К концу письма почерк дрожал, и она улыбалась, злилась, хихикала и вздыхала, читая письмо со слезами на глазах.

Она вытерла слезы и посмотрела на пожилую пару, спрашивая "где это отродье?".

Дед кивнул головой, поддерживая ее, и они прошли в соседнюю комнату, где увидели тело, покрытое белой тканью, из которой торчали две ноги с биркой на левом пальце.

Она подняла дрожащую руку, чтобы снять ткань и найти то, что раньше было мной, и зажала себе рот, так как слезы начали всхлипывать. Она чуть не упала, если бы дедушка не удержал ее.

На моем теле было множество огнестрельных ранений, разбросанных по всему туловищу и несколько на ногах. Но на моем лице было безмятежное выражение, которое даже слепой назвал бы красивым. *Я не нарцисс.

На следующий день мое бывшее тело было похоронено с должным воинским почтением, и даже я был на грани слез (если бы я мог плакать), когда увидел всех, кого я знал присутствующими и плакал, когда они произносили речи, посвященные моей памяти.

Наконец, моя могила была увековечена.

В память о майоре Томасе Грей.

~ От любящей сестры, Силики Грей.

<http://tl.rulate.ru/book/68054/1907995>